

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

Осип Мандельштам

Остров есть Крит посреди виноцветного моря, прекрасный,
Тучный, отовсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.

Гомер. Одиссея. Книга 19, 172.

Перевод В. Жуковского

Заманчивое предложение

Остров Крит. Наши дни

Так влипнуть! Так бездарно влипнуть! Это надо уметь. И он сумел. Он вообще много чего может, если нужно вляпаться в какую-нибудь историю.

А тут уже не история. Тут уголовное дело.

Димитрос сидел на корме и с тоской смотрел на двух полицейских, роющихся в яхтенном пузе. Да только фиг что найдешь в этих горах бабского шмотья!

Впервые за десять дней на судне было тихо. Покладбищенски тихо.

Два трупа за один круиз. Нормальненький рейсик!

Димитрос вздохнул. Вся его жизнь в последний месяц превратилась в кошмар. Почему он решил, что яхта — самое безопасное убежище? Зачем послушался Лукаса?

Он думал, если уйдет в море, проблемы останутся на берегу. Но они тихонько загрузились на борт вместе с пассажирками.

И ведь чувствовал подвох, когда Лукас завел свою сладкоголосую песнь:

— Димитрос, хочешь свалить на яхте с Крита? Не вопрос! Да ты просто счастливчик! У меня такой вариант! Садись, сейчас я тебя обрадую!

Димитрос сел на хлипкий пластиковый стул в крошечном офисе яхт-клуба Крита. Машинально обвел глазами стены, все в фотках несущихся парусников: когда-то владелец клуба Лукас насобирав на гонках кучу призов.

И не обрадовался.

Хороших рейсов ему тут не давали никогда. Во-первых, работал он не в штате, а только летом, когда у него в вузе были каникулы. Это сейчас он уже выпускник. Во-вторых, когда-то давно Лукас дружил с его отцом, а потом они разругались, что тоже отношения с работодателем не озонируют.

вало. Но тут вдруг Лукас — загорелый, как черт, костисто-поджарый, с черными глазами на веселом разбойном лице, ну чисто благородный пират! — бросился к нему как к родному. Протянул маршрутный лист:

— От сердца тебе рейс отрываю! Такого у нас вообще не было. Прикинь — восемь баб повезешь! На две недели. Эх, сам бы с такими курочками прокатился! Да здоровья уже не хватит. Повозишь их тут по укромным местам!

— Каких баб?

— Из России. Как раз твой контингент, ты ж на русском шпаришь как на родном. Они анкеты прислали — увидишь. Есть молоденькие, есть постарше. На любой вкус. Можешь среди них конкурс «Мисс грудь» провести. Только смотри, чтобы они из-за тебя не передрались, красавчик!

От этого «красавчика» Димитроса передернуло.

Внешность у него была так себе. Лицо смешливое. Глаза ярко-синие. Темные волосы торчат во все стороны — никак их не пригладишь. Рост средний. Ну ладно, выше среднего. Но бугров мускулов не наблюдается. Руки и ноги слишком длинные. Для ныряния такое сложение хорошо. А для ухаживания за девушками... Если честно, больше всего Димитрос походил не на красавчика, а на веселого дружелюбного пса: помесь лабрадора со спаниелем.

Но сейчас была не та ситуация, чтобы лезть в бутылку.

— Когда выходить? — только и спросил.

— Послезавтра. Они написали — в шестнадцать часов приедут. Иди готовь яхту. На «Минос» пойдешь.

Тут Димитрос повеселел. Обычно Лукас его на всякую рухлядь ставил. А «Минос» лишь годика три отходил. Для яхты не срок.

На таком судне он вполне успеет с маршрута свернуть. И нырнуть, если рядом не будет посторонних глаз. Пассажирки не в счет. Что они понимают в черном дайвинге? Вот только как он управится с восемью женщинами?

— Чего задумался? Тебе чудом этот рейс достался. — Лукас смотрел на него с усмешкой. — Взял я нового капитана. Директор моего банка попросил пристроить сына. Вышел он в море с корпоративщиками. Тут шторм. И этого идиота начало тошнить. С одной стороны пассажиры све-
сились, с другой — капитан. Нормально? Оказалось, у сы-

ночка морская болезнь. Так что у меня вакансии. Сходи в рейс, там решим. Может, пойдешь на постоянку?

— Я подумаю, — сказал Димитрос. — Насчет постоянной работы. А в рейс пойду. Можно я на яхте переночую?

— Конечно. Правильное решение, — блеснул Лукас пиратским глазом. — Подшамань там все. И отдыхай. Все-таки тебе восемь баб ублажать...

Димитрос под хохоток Лукаса вышел, закрыл за собой дверь. И будто морок какой с него спал. Что-то было не так. Почему Лукас вдруг расщедрился? Работу предлагает, рейс дает. Не узнал ли чего?

И вообще, решит ли двухнедельное плавание вокруг острова его проблему?

Но легкая лодочка Димкиной судьбы уже понеслась по обманно-тихому морю...

Глубокое погружение

За две недели до этого

Димитрос приглушил мотор старенькой лодки. Огляделся. Кажется, здесь.

И еще раз удивился переменчивому нраву моря.

Двое суток на Крите бушевал страшный шторм. Громадные волны, словно собаки, сорвавшиеся с цепи, злобно рвали берег на части, остервенело терзали суда, выкидывали лодки на берег. Такого мощного циклона, как говорят старожилы, не было лет сто.

И вдруг в один миг все стихло. Будто кто-то дунул сверху — фьють! И волны прямо на глазах из свирепых псов превратились в послушных, ластящихся к ногам. А потом и вовсе пропали, словно и не было.

Вода стала удивительно прозрачной — ее зеленоватая поверхность напоминала стекло, сквозь которое просвечивало далекое дно.

Димитрос решил нырнуть и, если опять ничего, плюнуть на это дело.

Столько времени и сил убито! А ведь, может, прадед был просто веселым выдумщиком.

Жила в их семье легенда, что в середине двадцатого века прадед, отличный ныряльщик, как и все мужчины их рода, нашел здесь останки древнего затонувшего корабля. Покрытый ракушками остов, а рядом — тяжелые амфоры, рассыпавшиеся украшения, статуэтки. Настоящий подводный клад.

Прадед увидел его, когда рискнул — опустился на пятьдесят метров. А достать ничего не смог: дыхания не хватило. Решил вернуться завтра со снаряжением.

Но на следующий день поднялась буря, подводное течение, как часто бывает в этих местах, вильнуло в сторону. Место, где лежал корабль, занесло песком и камнями. Клад скрылся и уже больше не показывался.

Так рассказывал прадед, поглаживая коричневую скорлупку небольшой геммы — древней печати: на ней была выбита голова быка.

— Вот увидите, — не вынимая старой изгрызенной трубки из губ, скрипел дед, — наше имя еще будет на табличках в музее! Такого никто не находил! Минойский корабль! Ищите!

Только в доме его уже никто не слушал.

— Признайся, дед, купил ты эту фигню на блошином рынке! — посмеивался Димкин отец (дома Димитроса звали Димкой по русской традиции, в память о матери). — Сколько мы ныряли — нет нигде твоего корабля.

Прадед ничего не отвечал. Лишь подмигивал со своей деревянной скамеечки внуку хитрым глазом. А один раз, когда уже совсем слабый был, поманил пальцем, вложил Димке в ладонь печать с быком и шепнул: «Ты! Ты его найдешь! Имя наше прославишь. Запомни: прямо между двумя скалами!» И показал два пальца буквой V, как актеры в боевиках.

Через день он умер.

Димитрос стал нырять в этом месте с тех пор, как научился плавать.

Мечтал: вот сейчас песок расступится. И он увидит прекрасный деревянный корвет, полный сокровищ.

Но находил только старые шлепанцы, оторванные якоря и один раз — золотой крестик. Димитрос обиделся и поиски забросил. Занялся парусным спортом. Все, что связано с морем, у него получалось отлично.

С делами на земле выходило похуже. Ни девушки — соседка, за которой он ненавязчиво ухаживал, весной вышла замуж. Ни работы — диплом морского биолога, который он в этом году получил, надежды на хорошее трудоустройство не давал.

А десять дней назад приснился ему сон. В нем прадед сидел на дне моря рядом со старинным судном и шамкал беззубым ртом:

— Что ж ты не идешь, внучок? Я же место тебе показал!

Снова пальцы растопыривает, достает откуда-то карту, на которой две скалы, похожие на рога быка, торчат буквой V, а от них идут две стрелки, которые в море сходятся.

Утром Димитрос проснулся, удивился, как хорошо помнит детали сна. И решил еще раз проверить семейную легенду. Попросил у соседа лодочку и методично прочесывал море у тех скал, что видел во сне. Без акваланга: кладоискатели и полицейские тут приметливые. Если засекут, как он что-то прицельно ищет, не видать ему ни клада, ни имени в музее. Отнимут — не одни, так другие.

За шесть дней он ничего не нашел. Вчера хотел нырнуть последний раз. Но шторм помешал. Значит, сегодня.

... Димитрос нацепил на талию ремень со свинцовыми чушками-грузилами. Надел маску, ласты и рыбкай ввинтился в толщу вод. Долго спускался в зеленую глубину: дно, казалось, было совсем рядом, но не приближалось — под водой расстояния обманчивы. Там даже время течет по-другому.

А когда наконец увидел обломки камней, ничего не узнал. Шторм все перемешал, сдвинул с места, разбросал валуны, как детские кубики. Димитрос проплыл над песчаной проплешиной, где застыли несколько тупорылых серых рыб. Уже собрался возвращаться.

Как вдруг... Что это?

В темной расщелине он увидел круглый, поросший ракушками бок, тоненькое горлышко... Амфора? Вдалеке виднелся длинный, поросший ракушками брус: остов корабля? Сердце радостно застучало. Но тут легкие запросили воздуха, уши сдавило толщей воды.

Он пошел вверх, с шумом вынырнул, запрыгнул на лодку. В кровь словно впрыснули адреналин. Неужели?!

Димитрос достал из рюкзака еще один брусок свинца и вдел его в пояс.

Да, опасно. С таким весом легко погружаться, но трудно всплывать. Но иначе до находки не дотянешься.

...Сначала он испугался, что потерял то место. Даже сердце сжалось.

Спустился ниже и наконец увидел серый круглый бок. Да, это была амфора. Но как же неудобно она лежала! Зажатая камнями, в глубокой расщелине. На такую глубину он еще не нырял. Тело расплющил многотонный пресс воды, уши заложило, в них ударила тупая боль.

Димитрос схватил амфору за тоненькую шейку и понял, что не сможет ее поднять. Сосуд был забит песком.

Димитрос выпустил амфору, огляделся и увидел, что рядом на камне лежит тоненькая, покрытая зелеными водорослями змейка.

Легкие у Димитроса схлопнулись, он еле сдерживался, чтобы не открыть ищущий вдоха рот. Схватил, не глядя, бугристую змейку, заработал ногами... И понял: слишком медленно, чтобы успеть.

Кислорода не хватало. Сознание стало туманиться, Димка уже с трудом понимал, где он, куда надо плыть. Движение вверх остановилось.

Он чувствовал, что парит в глубине, как птица в воздухе. Состояние невесомости было таким радостным, что не хотелось шевелиться. Лишь бы не спугнуть это блаженное парение, поток покоя и света, что уносит тебя дальше, дальше...

«Пояс!» — вдруг раздался у него в голове чей-то голос. Димитрос открыл глаза. Там, наверху, из толщи воды в лучах солнца на него смотрела мать.

Вообще-то он плохо ее помнил: она умерла, когда ему было пять лет. Но тут сразу узнал. Димка дернулся, из последних сил отстегнул с талии свинцовый груз и потянулся наверх, туда, к маминому лицу.

Вылетел из воды, вдохнул ошалевшими легкими драгоценный воздух. И потом — только дышал, держась за лодку и даже не имея сил посмотреть, что там в его левой руке...

Вот дурак! Досиделся до азотного наркоза с галлюцинациями. Да еще барабанные перепонки небось порвал. Не скоро он теперь сможет сюда нырнуть...

Димитрос неуклюже перевалился через борт лодки, поле-

жал на дне, наконец разжал кулак и уставился на заросшую подводным мхом находку.

Темное ожерелье из пчел. Один его край, очевидно, поцарапал во время шторма камень — там пчела сверкала ярким рыжим цветом.

Ожерелье было золотым и таким старым, что он не смог бы сказать, сколько ему лет.

Димитрос помотал головой, пытаясь вытрясти из уха тяжелый, как перестук груженого поезда, гул, и улыбнулся: нет, не так. Сколько ему тысяч лет.

Встреча с антикваром

Перед дверью без вывески в старом Ираклионе Димитрос несколько секунд постоял. Еще раз прикинул, стоит заходить или все же...

А потом толкнул дверь.

Колокольчик над входом надтреснуто звякнул, но никакого движения не произошло. Димитрос всмотрелся в душный полумрак заставленной всякой всячиной комнаты. Старинные люстры, туманные зеркала, толстопузые резные буфеты, напольные часы — футляры для времени, тикающие вразнобой.

Среди тесноты умерших вещей не сразу его и разглядел. В углу между бюро и комодом за письменным столом развалился очень толстый грек с тяжелой львиной головой. Седые волосы завитками спадали на плечи. Огромный бугристый нос обвис, как парус без ветра. На вид ему было лет шестьдесят, но он вполне мог бы сидеть здесь с начала времен.

Хотя колокольчик у входа звякнул, хозяин будто его и не слышал.

— Здравствуйте! — сказал Димка, не отходя от порога.

Грек поднял голову и рассеянно скользнул по визитеру взглядом. Его спрятавшиеся под тяжелыми веками глаза были похожи на снулых рыб.

Димка неуверенно шагнул к столу:

— Я вот... Про вещь одну хочу спросить...

— Показывай, — лениво сказал толстяк.

— Я не продавать. Просто посоветоваться. Хочу узнать...

— Показывай! — в надтреснутом голосе толстяка прозвучало раздражение.

Димитрос знал, что Ионидис не любит болтать, никогда не торгуется, а сразу назначает цену.

И себе цену тоже знает. Отец когда-то с ним работал, приносил потихоньку находки со дна, хотя рассказывать об этом не любил. В цене они, может, не сошлись. Сильно разругались, поэтому напоминать антиквару об отце Димитрос не стал.

Он засуетился, полез в рюкзак, открыл не тот кармашек, чертыхнулся, наконец нащупал холщовый мешочек.

Вытряхнул из него тяжелое ожерелье: дома он аккуратно почистил его от водорослей, но темный налет снимать не решился. Кто его знает, может, в нем вся ценность?

Ионидис кивнул на стол — мол, клади.

Димитрос расправил тяжелых пчел на коричневом сукне.

— Я думаю, они золотые, — сказал он. — И очень старые. Не могли бы вы определить, сколько им лет?

Ионидис не пошевелился, но Димка почувствовал, как собралось в комок его растекшееся по креслу тело.

Быстрым движением толстенькой руки он цапнул ожерелье и поднес к глазам. Повертел. Поскреб ногтем. Отодвинул ящик, который сразу уперся ему в пузо, достал лупу в черной оправе. Уставился на ожерелье сквозь нее. Долго разглядывал что-то на застежке. Наконец поднял глаза на Димку.

— Где взял?

— Не важно. Я только хотел спросить — насколько оно старое?

— Что еще у тебя есть? — Ионидис смотрел вроде бы по-прежнему рассеянно, но жилка у его виска забилась так, будто хотела уползти за ухо.

— Ничего. Пока.

— Ты достал это с затонувшего судна? Где? — Ионидис вдруг привстал из-за стола, опираясь руками на его край.

Димка сначала струхнул, сделал шаг назад. Потом опомнился:

— Какая вам разница? Не можете вещь оценить — пойду в другую лавку.

Ионидис обрушился обратно в кресло:

— Я не сказал, что не могу оценить. Вещь старинная. Не знаю пока, насколько ценная. Но интересная. Хочешь продать?

— Нет, я же сказал.

— Хорошо. Оставь ее у меня на один день. Поизучаю. Завтра приходи — все скажу.

Он смахнул ожерелье в упершийся в его пузо ящик и мгновенно захлопнул.

— Нет, так не пойдет! — Димитрос шагнул к столу. — Отдайте!

— Ты мне не доверяешь? — Кустистые брови Ионидиса поднялись вверх. — Я на этом месте сижу сорок лет. Думаешь, сбегу с твоей цацкой?

Он даже усмехнулся такой глупости.

— Я вас знаю и уважаю. Но оставлять ожерелье не буду. Это мое право.

Казалось, несколько секунд грек размышлял. Наконец все же потянул ящик за ручку:

— Как хочешь.

Достал золотых пчел с деланым равнодушием. Но в последний момент не выдержал:

— Сфотографировать их я, по крайней мере, могу? Покажу кое-кому.

И, не дожидаясь ответа, взял со стола телефон, защелкал камерой.

— Конечно, конечно! — Димитрос заулыбался. — А когда можно зайти? Чтобы узнать?

Грек прикрыл глаза тяжелыми портьерами век.

— Завтра в это же время. Ожерелье принеси с собой.

— Ну а так. На первый взгляд... Что думаете? — не выдержал Димка.

— Завтра. В это же время, — повторил Ионидис, и его глаза снова закрылись. Разговор был окончен.

* * *

Как только за Димкой хлопнула дверь, толстый грек неожиданно проворно схватил телефон, отправил кому-то СМС и набрал номер.